Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 39—40 (906—907)

1944 год

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. В. СТАЛИН.

Рисунок Б. Карпова

ПОД СОВЕТСКИМИ ЗНАМЕНАМИ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Д. Заславский

Первая, важнейшая задача, которую товарищ Сталин поставил перед Красной Армией в приказе от 1 мая 1944 года, — «очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Чёрного моря до Баренцова моря» — решена со славой.

Враг изгнан. Чиста советская земля от фашистской погани. Миллионы немцев жизнью своей поплатились за преступное вторжение. Государственная граница СССР восстановлена на всём своём протяжении—от Баренцова до Чёрного моря. Стоит нерушимо наше государство, миру сияет его слава. А гитлеровская шайка самым своим существованием ответит теперь за попытку подчинить себе советский народ.

Но не легко далась нам победа, равной которой нет в истории. Красная Армия заслужила бессмертную славу. Она оправдала доверие своего народа, который трудился самоотверженно в тылу, ни на минуту не сомневаясь в победе, в торжестве правого дела. Мы знали, что придёт эта праздничная минута, когда последний захватчик падёт на границе нашей родины. Товарищ Сталин сказал, что будет праздник на нашей улице, и этот праздник, возвещаемый торжественными салютами, пришёл. Радуйся, советская земля! Чист воздух над тобой, его не отравляет смрадное дыхание гитлеровского бандита. Красная Армия вторглась в Восточную Пруссию. Война перенесена на территорию Германии.

Великая победа одержана героической Красной Армией, но война ещё не кончена. Война продолжается. Красная Армия идёт вперёд, освобождая народы, находящиеся под железной пятой немецко-фашистских хищников. Победа должна быть закреплена окончательным разгромом гитлеровской Германии, уничтожением гитлеровского государства, наказанием всей разбойничьей банды, организацией международного порядка, гарантирующего прочный, длительный мир и безопасность народов.

Красная Армия разгромила гитлеровских сателлитов, освобождает польский народ, помогает освобождению героической Югославии, ведёт освободительную борьбу на территории Чехословакии. Знамёна Красной Армии развеваются над всей Восточной Европой.

Советские воины выполняют свою высокую освободительную задачу. Они возвращают народам их свободу и независимость, они спасают их от смерти и рабства. И всюду советских воинов встречают восторженными приветствиями, всюду окружают искренней любовью и глубокими симпатиями.

Красная Армия проходит по тем местам, где в течение многих лет враги Советского Союза создавали плацдарм для нападения на него. Врагам советского народа не удалось удушить наше молодое государство интервенцией и прямой блокадой, поэтому были сделаны попытки изолировать Советскую страну. Особенно старались в этом отношении германские империалисты. Они проникали на Балканы, чтобы сделать их своим оплотом против советского государства. Немецко-фашистская пропаганда извела море чернил, чтобы оклеветать советский народ, противопоставить Европе СССР как некую чуждую европейской культуре страну. Бесчестные политиканы ряда стран шли добровольно на поводу у Берлина. Они были его агентами. Польские беки, болгарские филовы, югославские недичи и всякие иные продажные личности вводили в заблуждение трудящихся своих стран и распространяли небылицы о советском народе, о Красной Армии.

Ныне всему этому пришёл конец — раз и навсегда. Освобождая соседние государства от немецко-фашистского ига, Красная Армия разрывает вместе с тем ту цепь, которой враги Советского Союза пытались перегородить Европу. Барьер разрушен. Красная Армия проносит свои знамёна, овеянные славой побед, через страны, где не видали до сих пор советского человека. Эта встреча советских воинов с народами Европы знаменательна. Она имеет огромное историческое значение.

Знамёна Красной Армии — это знамёна дружбы народов. Это знамёна советского многонационального государства, доказавшего в войне, что оно является самым прочным в мире. Какое другое государство выдержало бы тот разбойничий удар, который обрушился на Советский Союз в 1941 году? Союз советских республик не дрогнул, народы советского государства ещё больше сплотились в борьбе с общим врагом. В огне сражений закалилась сталинская великая дружба народов. В испытаниях войны они научились ещё больше ценить единство государственного союза, потому что только это единство обеспечило каждому из них свободу и независимость.

Со знамёнами дружбы народов советские воины проходят через страны Европы. Трудящиеся этих стран теперь воочию видят советских людей, слышат их речь, часто столь родственную языкам славянских народов. Их восхищает сила Красной Армии — вооружённая сила великого и могучего народа.

Это не только могучая, это и благородная сила. Народы сравнивают и не могут не сравнивать немецкого и советского солдата. Они испытали на себе силу гитлеровской Германии. Теперь они видят силу Советского Союза. Сила немцев была насилием. Её питали ненависть и страх. Гитлеровская армия показала себя организованным сборищем подлецов.

Красная Армия сильна. Она сильна сознанием правоты и святости своего дела, сознанием своего превосходства над врагом. Советские воины идут как победители, а не как завоеватели. Советское правительство заявило, что Красная Армия проходит через земли других государств, чтобы уничтожить гитлеровцев, где бы они ни находились. Советский Союз никому не навязывает своих политических порядков или общественного строя. На своих знамёнах Красная Армия несёт лозунги дружбы народов.

Гитлеровцев приводит в неистовство величественное победное следование Красной Армии через страны Европы. Они визжат: «Большевизация Европы!» Они стараются запугать робких людей в Европе и Америке своими измыш-

И БУДЕТ ТАК

Алексей Сурков

На Балтику, в Карпатские нагорья
Стремит война железный марш колонн.
По-над Дунаем ветер Черноморья
Колышет шёлк прославленных знамён.

Здесь воевали прадеды и деды.
Здесь наша слава ратная росла.
Сюда полки дорогами победы
Солдатская отвага привела.

Мы скорбь, и гнев, и радость испытали
В крутые дни солдатского труда.
Узнала вес и вкус уральской стали
Немецкая разбойная орда.

От вечных льдов до черноморской глади —
Леса и горы, степи и луга —
Родную землю до последней пяди
Мы вырвали из цепких лап врага.

Отчизна-мать! Мы вызволили боем
Пределы беспредельные твои.
Придём с победой и дома построим
На тех руинах, где прошли бои.

Мы восстановим шахты и плотины,
Проснутся в недрах уголь и руда,
Стальным узором звонкой паутины
Над пашнями повиснут провода.

В садах утонут сёла и станицы,
Густая рожь поднимется стеной,
И расплеснётся золотом пшеницы
Под синим небом океан степной.

Мы будем строить, устали не зная,
Чтобы, сильна, могуча и грозна,
На радость нам стояла ты, родная,
Любимая Советская страна.

Чтоб до тебя не дотянулись руки
До крови жадных, хищных пришлецов.
Чтоб, наше время вспоминая, внуки
Гордились в песнях доблестью отцов.

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.—КИЕВ

Год назад, 6 ноября 1943 года, советские войска освободили столицу Украинской ССР—древний Киев. Наши доблестные войска перешли через Днепр. Началось изгнание врага из Правобережной Украины. Прошёл год, и 14 октября 1944 года украинский народ вместе со всеми народами СССР праздновал полное освобождение территории республики от ига немецких разбойников. На фото: колонна советских танков проходит по улицам Киева утром 6 ноября 1943 года.

Фото С. Фридлянда

ПЕСНЯ О КИЕВЕ

Максим Рыльский

Славен Киев наш златоглавый,
Мужеством, честью, красою.
Нашей отчизны древняя слава
Снова горит над тобою!

Прочь отступила злая пора,
Вражьи развеяны стаи,
Снова на склонах седого Днепра
Киев советский сверкает.

Снова над кручей жизнью кипучей
Полнится наша столица.
Все сплочены мы силой могучей,
Властью родной, большевистской!

С нами родные братья-народы,
Верой сильны мы одной.
В грозах похода, в солнце свободы
Киев сроднился с Москвой.

Прочь отступила злая пора,
Вражьи развеяны стаи,
Снова на склонах седого Днепра
Киев советский сверкает.

Перевёл с украинского Б. Турганов

лениями. Но день идёт за днём, неделя за неделей. Красная Армия всё глубже проходит в страны Европы, и всё ближе полный разгром гитлеровской Германии, которую не спасут никакие антисоветские измышления и провокации. Советские воины ликвидируют фашистов, громят немцев и их наймитов, они идут на Берлин.

Они идут вперёд со знамёнами освобождения народов и освобождают их. Они наглядно показывают, что советский народ является самым верным защитником демократии, свободы и независимости. Народы Европы видят советского человека — сильного и благородного, великодушного и твёрдого, мужественного и доброго, воспитанного Лениным и Сталиным. Они знакомятся с культурой советского человека и видят на деле, что это высокая культура... Дружбой советского народа не может не дорожить ни один народ, которому действительно дорога его подлинная независимость.

Красная Армия дойдёт до Берлина. Выполнив свою великую задачу, она вернётся домой. Она принесёт с собой славу новых побед, славу прочного и длительного мира. Своими победами Красная Армия заложила основы дружбы народов, скреплённой непосредственным общением и совместной борьбой за очищение всей Европы от немецко-фашистских извергов. Нет для мира опоры более прочной, чем дружба народов!

ВТОРЖЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

Первые бои на немецкой земле

Доблестные войска 3-го Белорусского фронта прорвали сильные укрепления противника на границе и вторглись на территорию Восточной Пруссии. В первые дни боёв наши войска заняли ряд городов и сотни населённых пунктов. Немецкие войска оказывают жестокое сопротивление, но терпят поражение за поражением.

Красная Армия вступила в Германию. Она несёт смерть немецко-фашистским захватчикам.

На снимках: вверху и внизу — город Ширвиндт, занятый нашими войсками; в центре — город Эйдткунен после изгнания из него немцев.

Фото Л. Великжанина и Ф. Кислова (ТАСС).

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.—ПЕТРОЗАВОДСК

АРМИЯ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Армас Эйкия

...Взгляд воина грозен, горяч и светел.
Как молния, ненависть блещет из глаз.
Неумолимый арктический ветер,
И грохот орудий, и танковый лязг
Сливаются в мощной симфонии боя, —
Рушится тёмная сила врага,
И небо над нами встаёт голубое,
Весенние видятся нам берега.

Шумят народы рекой полноводной
Навстречу армии —
Освободительной, родной:
«Верни человечество к жизни
свободной!
Вся наша надежда — в тебе одной!»

Перевёл с финского Лев ШИФФЕРС

Два с лишним года томилась столица Карело-Финской ССР в цепях гитлеровского рабства. Но пришёл светлый, радостный день освобождения. Вы видите на фото, как первые отряды наших войск вступают в город. Теперь вся республика свободна! →

Фото Г. Санько

Граница

Ю. Слонимский, М. Сагалович

Очерк

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Скорей! Вперёд!

Этого дня они ждали почти три года.

— Сколько осталось?— спросил соседа молодой боец.

— Немного, километра три!

Боец вдруг засуетился, на ходу стянул с плеч вещевой мешок, достал выцветшую зелёную фуражку и надел её вместо ушанки. Фуражку — зелёную фуражку — он пронёс через войну, как драгоценность, и теперь надел её, считая, что пришло время. Это послужило сигналом: шеренги зацвели зелёными фуражками.

Бойцы медленно поднимались по крутому склону высокой каменистой гряды. У подножья её петляла среди холмов, усеянных белыми и голубыми домиками, река.

— Прут, Прут!..

Вот она, река, о которой, не переставая, вспоминали и говорили три года. Вот она, отмель, которой отдано тысячи часов напряжённого бдения. Вот они, знакомые дорожки, кустики.

— Прут! Граница!.. Ур-ра!..

Из нарядных молдаванских хат выбегали ребята в чёрных папахах, девушки в цветистых платьях, серебреголовые старики. Отовсюду неслись возбуждённые крики:

— Пограничники!... Вернулись!.. Товарищ политрук!.. Петя, где Петя? Зайдите, я сховал ваши вещи!.. Рыбалко идёт или нет? Старая застава здесь будет?..

Улицами и проулками, мимо вишнёвых садочков, бойцы спешили к песчаному берегу, который подмывали мутные воды, бегущие с Карпат.

Пришли! Вернулись домой!

Так пограничники называют край земли, где незримо кончается и начинается родина.

— Это и есть Прут? — спросил молодой пограничник Перемяков.

Сколько раз он слышал о границе, и в его представлении Прут был шире моря!

Ефрейтор Чудаков резко обернулся, как человек, которого застигли врасплох и оторвали от важной мысли. Был он невысок, крепко сбит, смешлив, остёр на язык и неутомим. Во всём отряде славился ещё до войны как мастер пограничного дела.

— Да, это Прут! А тебе что, не нравится?

— Ну что за река: узкая, мутная...

Бывалый пограничник посмотрел на Перемякова так, что тот чуть-чуть попятился.

— Не та, говоришь? Та самая река! Я с Кавказа шёл: Кубань, Дон, Днепр, Днестр переходил, к ней спешил. Лучше нет реки.

Перемяков совсем не так представлял себе границу. В его воображении она была высокой стеной, тянувшейся вдоль реки; на вышках стоят часовые. А тут никакой стены — открытый берег, местами поросший кустарником, холмы и поля. То же и на румынской стороне. Там, у самой реки, пашут крестьяне.

«Так вот она какая, граница!— думал Перемяков.— Тут и десяти глаз не хватит за всем усмотреть».

С холма открывался красивый вид. Двухэтажное здание заставы, окружённое каштанами и тополями, выделялось среди остальных строений деревни. На небольшой полянке перед заставой собрались после марша пограничники. Среди них были товарищи Перемякова, вместе с которыми полтора года назад он вошёл в семью пограничников. Правда, за этот срок война прибавила каждому из них житейской мудрости и сноровки за добрый десяток лет. И Перемяков стал уже сержантом, но выглядели они всё же молодо. Осенью 1942 года они, молодые бойцы пограничного полка, впервые услышали о Пруте.

— Прут, — говорил тогда командир полка, подполковник Панарьин,— это наша цель, это наш родной дом. Мы вернёмся к себе, на границу и встанем на вахту, как прежде.

И вот они вернулись.

Перемяков сбежал с холма к окраине села и, свернув на боковую улицу, увидел оживлённую толпу молдаван, окруживших майора-пограничника. Улыбаясь, офицер пожимал десятки тянувшихся к нему рук и по-молдавски отвечал на приветствия. Из дому вышла красивая женщина и вынесла огромную бутыль красного вина. Она деловито разлила вино в чаши и, волнуясь, произнесла:

— Дорогие односельчане... Вот и пришли наши пограничники,— женщина посмотрела в глаза Пестерева.— Мы вас, товарищ майор, считали погибшим,— и, обернувшись к крестьянам, радостно воскликнула: — А он вернулся живой и здоровый!..

Все осушили чаши. Из толпы вышел невысокий старик, подошёл к Пестереву и тихо сказал:

— А я верил, что живой!.. Даже вещи твои сберёг: всё надеялся, что вернёшься...

2. РАССКАЗ МАЙОРА ПЕСТЕРЕВА

«Трудно представить себе, что именно здесь, на участке второй комендатуры, без малого три года назад, ясным июньским утром, мирная и щедрая земля наша впервые вздрогнула от разрывов вражеских снарядов.

— Воздух!— пронёсся тревожный и короткий окрик часового.

Застава проснулась, и вскочившие с коек люди услышали грозный рокот самолётов. Здание заставы зашаталось от первых взрывов.

— Огонь по самолётам! — скомандовал начальник заставы лейтенант Беленький.

Застава ощетинилась. Гулко били зенитные пулемёты, винтовки. С границы примчалась овчарка. Она вбежала на крыльцо и остановилась, уткнувшись мордой в колени лейтенанта. Из-под ошейника Беленький вытащил клочок бумаги: «Двести румын на правом фланге форсировали Прут и продвигаются к дороге».

«Началось»,— пронеслось в голове лейтенанта, и он крикнул:

— Товарищи! За мной! На границу!

Рядом бежал политрук заставы, всегда весёлый, насмешливый Максим Грузинов, а за ним бойцы. Они появились из-за высоты неожиданно. Ничто, казалось, не могло остановить этих людей. И двести гитлеровцев, привыкших к лёгким победам, побежали назад к Пруту. Бросая убитых, оружие, они лезли в лодки, сталкивая друг друга в воду. Когда первая группа румын была отброшена за Прут, Беленький взглянул на часы. Было пять часов тридцать семь минут по московскому времени.

По соседству с Беленьким на участке восьмой заставы и комендатуры оборону держали шестьдесят семь пограничников во главе с капитаном Пестеревым. Целый день противник вёл миномётный и артиллерийский огонь. В двадцать два часа тридцать минут под покровом темноты немцы стали переправляться на наш берег.

Переполненные солдатами лодки огибали остров с двух сторон. Наблюдатели, сидевшие у самой воды, мгновенно дали знать об этом на командный пункт. Высланные Пестеревым оперативные группы бесшумно подобрались к реке. Еле сдерживая нетерпение, лежали пулемётчики у своих пулемётов; затаив дыхание, стрелки держали наготове гранаты и винтовки.

Грохот разрывов, пулемётные очереди, крики тонущих смешались в общий гул.

В течение ночи враг одиннадцать раз пытался переправиться через Прут. Всё тщетно! Утром бой разгорелся с новой силой.

На третий день боёв к политруку девятой заставы Грузинову подошёл красноармеец Полывода.

— Я до вас, товарищ политрук,— сказал он, протягивая акуратно сложенный листок бумаги,— дело у меня серьёзное.

Грузинов развернул листок и прочитал неровные строчки:

«Прошу принять меня в ряды Всесоюзной коммунистической партии большевиков, хочу сражаться коммунистом».

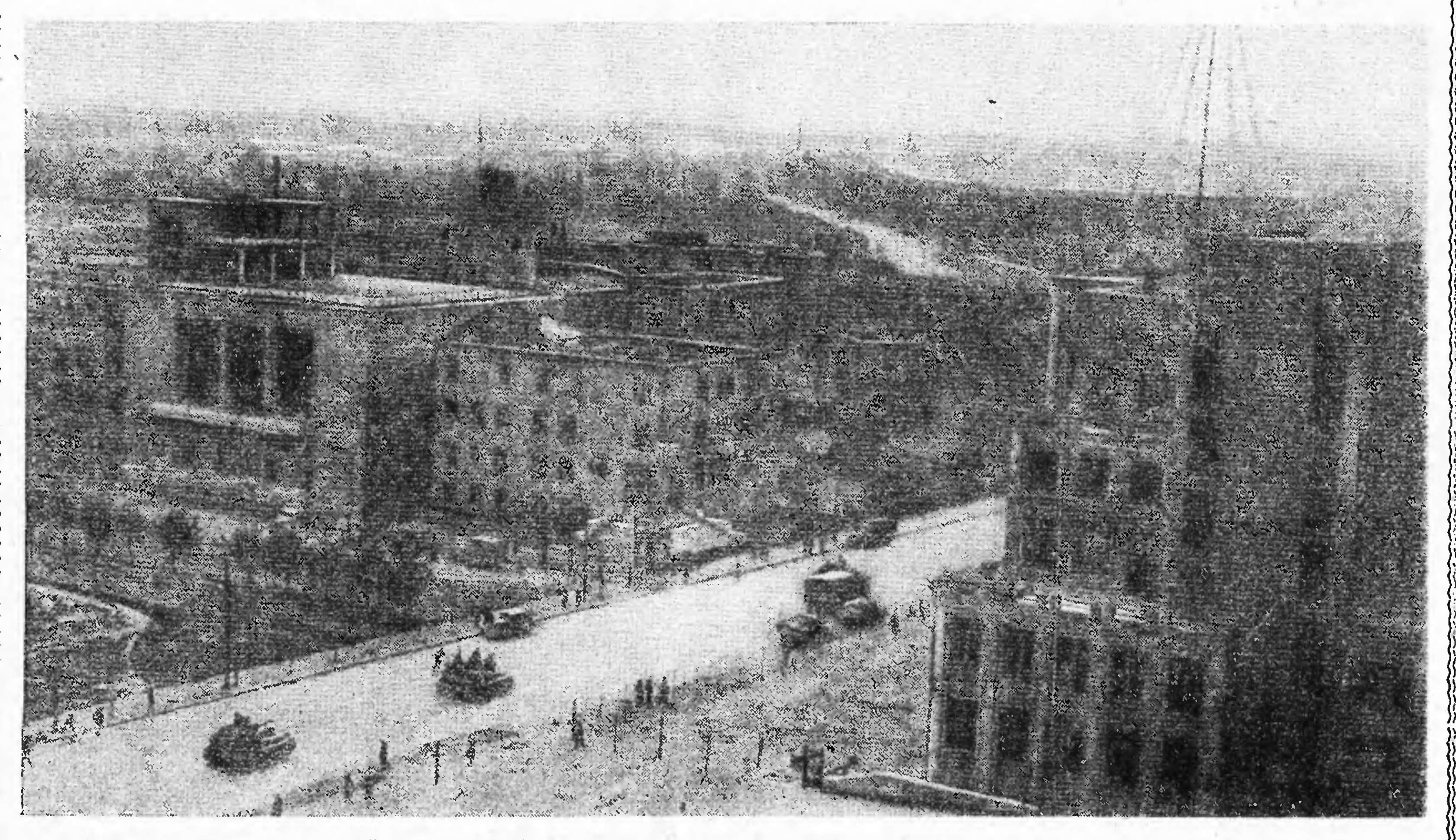
Через несколько минут вся застава знала о том, что Полывода подал заявление о вступлении в партию, и уже к вечеру в полевой сумке политрука лежало двадцать девять заявлений.

Капитаны Беленький (справа) и Грузинов на местах первых боёв на границе. **На верхнем снимке:** советские бойцы на государственной границе у реки Прут.

Фото А. Кричевского

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.—МИНСК

На фото запечатлён уголок столицы Белорусской ССР в исторический день освобождения—3 июля 1944 года. Первые советские танки и автомашины на улицах города. Красная Армия вызволила белорусский народ из немецкой неволи.

Фото А. Морозова

ГЕРОЯМ БЕЛАРУСИ

Максим Танк

Когда увидишь тучи дыма,
Кургана призрак голубой,
Знай — за свободу, за отчизну
Здесь братья шли на ярый бой.

И где прошло возмездье ныне,
Испепелив врагов грозой, —
Там, разорвав туман-унынье,
Сияет небо бирюзой.

Летят ракеты светлым роем,
Салют Москвы, греми сильней!
Мать-Беларусь, встречай героев
И лютых ворогов добей!

А ты, герой, в бою кипящем
Рази зарвавшихся врагов!
Пусть на штыке твоём горячем
Фашистская не стынет кровь.

Блеснёт нам мирный день.
И резвый
Повеет ветер... Там и тут
Сквозь прах и ржавое железо
Цветы и травы прорастут.

Перевёл с белорусского
Николай Берендгоф

Двадцать девять бойцов просили об одном: «Хотим сражаться коммунистами».

На шестой день боёв я был ранен. Только много времени спустя узнал, что люди второй комендатуры держали оборону одиннадцать дней. На одиннадцатый день лейтенант Беленький получил приказ командования отойти в тыл, но кругом были уже немцы. И тогда, усталые от беспрерывных боёв и бессонницы, пограничники пошли напролом. Они шли, забрасывая немецких и румынских солдат гранатами. И немцы не выдержали натиска. Так дрались мы на краю страны июньскими днями 1941 года...»

Люди молча сидели полукругом и глядели на Пестереза, и в памяти возникали видения тех дней.

3. ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Разрушенные зубчатые стены с чернеющими дырами окон — всё, что осталось от бывшего здания заставы. В нескольких метрах от него находится траншея, заросшая высокой травой и полевыми цветами. А кругом множество больших и малых воронок от бомб, снарядов и мин.

Во дворе, под яблоней, отдыхают бойцы. Молодой пограничник — мы узнали Перемякова — тихо рассказывает товарищам:

— Лежу в секрете. Светает. Разморило меня. От дождя что-то ко сну клонит. И тихо, как только на рассвете бывает. Вдруг мысль пришла: «Вот здесь, на этом месте, ровно три года назад лежал в секрете такой же, как я». Тоже тихо было. Понимаете, лежал на самом краю СССР и не подозревал, что через минуту война начнётся... И особенно мне представилось всё, что майор рассказывал. Будто я сам тогда был. Верите или нет, я в эту ночь понял, где я и зачем. «Вот лежит,— думаю,— в секрете Перемяков с товарищем, и весь народ на них надеется: такие не подведут...»

* * *

Большой деревянный мост даже ночью редко пустует. Берега запружены, как в половодье, артиллерией, автомашинами, повозками.

Перед мостом на КПП пограничники останавливают пешеходов и транспорт.

— Государственная граница Союза Советских Социалистических Республик!— чеканя слова, произносят они. И добавляют уже менее торжественно:— Ваши документы!

Просыпаются дремавшие в машинах и повозках люди, шофер и ездовой вылезают, чтобы самолично обозреть местность, и будят заспавшихся:

— Вставай, ребята, граница!

И люди глядят, глядят пристально на реку, разделяющую два мира,— на поросший кустарником наш берег и холмы противоположной — румынской стороны.

Машина, переполненная бойцами, рычит, выбираясь на румынский берег, и лица красноармейцев делаются строже: они на чужой земле.

* * *

Сумерки. Над Прутом тишина.

МОРСКАЯ ИСТОРИЯ

Е. Величко

Рассказ

Море Алексей Канин знал столько лет, сколько помнил их в своей жизни. Своенравное море Баренца.

Небольшой рыбацкий посёлок Щельпино на Кольском побережье был его родиной. Отец, дед, прадед и, должно быть, ещё более древние деды промышляли здесь рыбачеством. Рыбаком рос и Алексей. С малых лет, сначала с приятелями у берега, для забавы, потом с отцом и братом, для прокормления, он выходил на лов. Но в труде рыбака мальчик не видел радости. Другое грезилось ему, когда море, ласково пришёптывая, рассказывало непонятные свои, но чарующие сказки, когда под лучами незаходящего солнца ветерок перламутровой чешуёй покрывал глубокую синеву атлантической воды Гольфштрема. Забыв обо всём, Алёша заворожённо смотрел на нежные переливы красок, пока отцовский окрик или тычок братнинего кулака не возвращали его к действительности. Любил он, сидя на береговых отвесных скалах, следить за волнами, прибегающими из-за горизонта, чтобы окончить свой бег в развалах рухнувших глыб, закипая холодным кипением. Бродил в отлив по обнажившемуся морскому дну, вдыхая резкий иодный запах студенистых сизо-багряных водорослей, наблюдая многообразную жизнь обитателей моря. Но интереснее всего было следить за кораблями. Их много проходило мимо, у далёкой черты горизонта, оставляя на бледноголубом небе след угольного дыма. Шли они в свои далёкие гавани, одни названия которых звучали маняще и загадочно: Филадельфия, Брест, Саутгемптон... Мир был велик необъятно, непонятен и, как догадывался Алексей, прекрасен. В последнее он верил, ибо и в окружающем его мирке жила красота. Она открылась ему внезапно. В прозрачных сумерках августовской ночи, роняя звучные капли коротких гудков, в залив вошёл призрачный силуэт корабля с белым огнём на мачте, который был, как далёкая зовущая звезда. Щемящее что-то сдавило сердечко Алексея. Он толкнул приятеля:

— Сень, гляди, а!

— Чего там? Да это «Соловки», ржавая калошина, — презрительно сплюнул сосед.

— Нет, я не про то...

Мальчик умолк, бессильный найти слова для названия испытанного им. И это, чего ни отец, ни друзья в нём не понимали, скрашивало ему томительное однообразие существования и обещало впереди многое, большое и новое.

Он понимал, что для другой жизни нужны знания. Учился он хорошо и, кончив в посёлке четыре класса, умолил отца отправить его в Мурманск, в семилетку. От обилия впечатлений в крупном портовом городе мысли его пошли вразброд. Вернувшись летом на каникулы домой, он не знал, чего ему хотелось. Обычный в рыбацком деле случай определил его судьбу.

Как-то Алексей с отцом и братом вышли в море ставить яруса — снасть для ловли трески. Снасть состояла из стоянки — тонкой верёвки длиной в несколько километров с привязанными к ней на коротких поводках крючками с наживкой. Море было спокойно, небо чисто, и ни один самый опытный помор не мог бы предсказать, что произойдёт через два часа. Клюя носом — спать во время лова приходилось урывками, — Алексей тянул осмолённую ёлу на вёслах, пока отец с братом торопливо наживляли оставшиеся пустые крючки яруса. Когда синеватая дымка дали окутала линию прибрежных скал, отец скомандовал:

— Будет. Вымётывай.

В воду ушёл конец яруса с якорем, и буй — пустой бочёнок, отмечающий начало яруса, — закачался на волнах, удаляясь по мере вымётывания снасти. Вдруг отец поднял голову, и Алексей увидал его остановившиеся глаза. Мальчик обернулся. Недавно чистый горизонт исчез в белёсой мгле. Она, колыхаясь, стремительно приближалась, словно вырастая из моря, гоня впереди себя стаю пенящихся гребней.

— Режь стоянку! — крикнул отец. — Живей!

Он отпихнул Алексея с вёсел и сам сел на банку. Мальчики налегли на вторую пару вёсел. Шипя, ёла врезалась в оживающие волны. Уйти от бури было невозможно, её грозное дыхание долетело уже до берега — и скалы опоясались белой каймой прибоя.

— Нале-гай! Налегай! — выкрикивал отец, но ветер срывал слова с его губ, и мальчикам слышалось только отчаянное: «Ай! Ай!».

Ёлу захлестнуло волной. Алексей бросил весло и схватил черпак. Новая волна плеснула через борт.

Прошло несколько минут с начала бури, и пенные громады взбороздили только что гладкую поверхность моря. Ветер гнал утлое судёнышко на скалы, и не слабым человеческим силам рыбаков было противиться его бешеной ярости. Их пронесло мимо устья залива; мальчики беспрерывно отчерпывали воду. Силы рыбаков истощались, холодная смерть казалась неизбежной.

Тогда из клокочущего седого моря встало огромное белоснежное крыло. Алексей увидел его с вершины вала. Ёла провалилась вниз, и пока следующая волна поднимала её на гребень, мальчик думал, что это ему померещилось. Но в следующий миг он сно-

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.— КИШИНЕВ

Неудержимым потоком устремились наши войска к Дунаю, изгоняя немецких грабителей из Молдавской ССР. Солнце свободы засияло над столицей республики — Кишинёвом. Советские люди бурно приветствовали освободителей. Это было 24 августа 1944 года.

Фото В. Иванова и Е. Халдея (ТАСС)

НАШ ЗАКОН

Емельян Буков

Есть в Бессарабии древний закон:
Друг у дверей — так живее
Нож в каравай, чтоб насытился он,
Браги налей, не жалея!
Но, если враг твой взойдёт на порог,
Вспомни скрижали закона:
Нож ему в сердце, чтоб встать он не мог,
Чтобы упал он без стона!
Есть в Бессарабии грозный закон.
Слышит отчизна родная:
Ночью шумит меж дубравами он,
Утром поёт на Дунае.
Древний закон нашей гордой земли,
Вольной пастушеской жизни.
Варвары с дальних сторон к нам пришли,
Рабством грозили отчизне.

Слово СВОБОДА в лесах родилось —
Память о воле бывалой, —
Горе народное в Днестр полилось,
Дойна родная вздыхала.
Но не смирился народ. Гайдуки,
Крылья расправив, как птицы,
В тучах взвились, чтоб с Дуная-реки
К ясному солнцу пробиться.
Свитки закона веками лежат,
Кровью и потом политы.
Наши Лапушна, Орхей и Буржак
Славой сражений повиты.
И сохранился в неволе закон,
Рвёт кандалы и оковы.
Старый закон, что народом рождён, —
Мудрое древнее слово.

Перевела с молдавского Мария Замаховская

во увидел крыло. Оно клонилось к морю, стремительно перемещаясь к гибнущим рыбакам. В краткие доли секунды, которые гребень волны проходил под лодкой, Алексей увидел длинный, узкий корпус спасательного судна, зарывшийся в пену, неподвижные фигуры людей на палубе и покрытый суриком, точно кровью, громадный киль, острый, как плавник акулы, когда яхта почти легла набок, коснувшись парусом волны.

Рыбаков заметили. Разрезая яростно пенящиеся валы, яхта пронеслась мимо, и одна из неподвижных, неправдоподобно толстых в пробковой куртке фигур помахала им рукой. Через несколько томительных минут рыбаки снова увидели судно, медленно приближающееся к ним против ветра. Привязанный к своему месту на корме человек ловко забросил конец, зацепив им за нос ёлы. Описывая широкую дугу, яхта повернула в сторону берега.

Через полчаса рыбаки были в тихой губе, куда ветер залетал только порывами. Яхта медленно разворачивалась, подняв свой исполинский парус — крыло,— готовясь снова идти на поиски. Ветер, ударяя в верхушку паруса, слегка кренил длинный корпус, скользящий к выходу. Пенистые усы под бугшпритом вырастали всё выше, соперничая белизной с блеском бортов. А люди на палубе словно забыли о только что пережитой опасности и снова, отважные, устремлялись навстречу неистовству стихии.

С этого дня видение человека в пробковой куртке на омытой волнами палубе не оставляло Алексея, и чем старше становился он, тем настойчивее хотел быть этим человеком. Первый шаг был сделан, когда курсантом мореходного техникума он познакомился с экипажем яхты. Кончив техникум, он умолил зачислить его в команду судна, так как для получения прав штурмана требовалось два года проплавать матросом. Отец никак не хотел понять его — штурмана дальнего плавания,— стремящегося к малозаметной и опасной службе спасения. Но Алексей остался верен своему влечению.

Правда, служба покоем не баловала. Суровое Баренцово море гремело штормами во все времена года. Когда ветер свежел и плавающая рыбачья мелюзга — боты, ёлы, карбазы— да и тяжёлые туши пароходов иной раз спешили в глубокие фиорды, на яхте ставили паруса. По свирепеющим волнам, сквозь осязаемой плотности ветер яхта уходила на крейсерство в районы, где терпели бедствие рыбаки. Много жизней было выхвачено из пучины моря, и если бы подумали, что слава влекла Алексея, когда он сделал свой выбор, то для этого были основания.

Маленький корабль требовал только одного помощника капитана, и Алексею пришлось года три сверх положенных для стажировки проплавать матросом и боцманом, прежде чем донимаемый женой штурман уступил ему свою должность, перейдя на лесовоз, совершавший заграничные рейсы. Золотой «краб» на щеголеватой фуражке был единственным признаком в изменении служебного положения Алексея.

Вскоре началась война.

В небе над фиордом круглые сутки гудели моторы и воздух сотрясали взрывы. Яхта, замаскировавшись, стояла на якоре. Мимо скользили длинные серые тела военных кораблей. Подводные лодки возвращались из похода. Люди на яхте скучали и не раз просились в действующий флот, но их пока не брали.

Во время одной из бомбёжек шальной осколок тяжело ранил капитана. Едва увезли его в госпиталь, как к яхте на полном ходу подошёл военный катер и, отработав задний ход, заплясал на крутой в заливе волне.

— Капитана! — крикнул с катера моряк.

Алексей приказал спустить кранцы и, когда катер приблизился к яхте, перескочил на него. Спустя несколько минут его ввели в штаб соединения кораблей. Вызвавший Алексея капитан первого ранга недоверчиво оглядел слишком юного капитана.

— Давно на яхте? — спросил он.

— Шестой год.

— Ну, ладно. Вот какое дело. — Каперанг нагнулся над картой побережья.—На одном мысу осталось сорок раненых моряков. На суше они отрезаны. Как только стихнет шторм, их обнаружат. Надо их снять немедленно. Берётесь или мне поставить другого капитана?

Алексей, глубоко уязвлённый подозрением в малодушии, ответил, и голос его полон был обиды:

— Я, товарищ каперанг, моряк по призванию.

— Так давайте, действуйте.

Алексей, знавший побережье до мельчайших изгибов, уверенно вёл судно на запад, взглядывая изредка на шевелящуюся картушку компаса. Она была тускло освещена единственным зажжённым фонарём. Наконец, по счислению, подошли к Рыбачьему.

Начинался долгий северный рассвет. Море было пустынно, всё скрылось от его ярости.

Алексей нашёл мыс, где, прячась от леденящего ветра, а может быть, и от рыскающего врага, ждали спасения раненые.

Предстояло труднейшее: провести судно в узком проливе в шхерах, войти в бухточку, найти людей и выйти обратно в море. В шхерах море безумствовало. Облизанные чёрные камни проглядывали сквозь хаос пляшущих и дробящихся на них волн. Тяжёлый, непрерывный гул сотрясал берег, будто непрестанно и одновременно там палила тысяча орудий. Яхта, бешено раскачиваясь, черпала бортами.

При самой малой парусности Алексей ввёл судно в пролив. Девятибалльный шторм уподоблял проводку судна в таком канале езде на велосипеде по канату, и, кроме мастерства, здесь требовалась ещё и удача. Яхта чиркнула-таки огромным своим килем о камень, содрогнувшись до верхушки мачты, и секунда эта для Алексея была, будто в нём самом порвалось что-то наиважнейшее. Удар, однако, был лёгкий, и минуту спустя полоса прибоя осталась позади.

Трудно было явиться своевременнее. Немцы обнаружили раненых, и верная их ждала бы гибель, потому что не годилось сдаваться в плен матросу Красного Флота.

Бодрящийся юный лейтенант, легко раненый в плечо, взглядом знатока осмотрел море и судно.

— Пережидать будем штормягу?— утвердительно спросил он Кашина.

Алексей усмехнулся лейтенантовой черноморской, как можно было догадаться по южному, густому загару, ещё не поблёкшему под небом севера, наивности.

— Немцев удивлять будем, — загадочно ответил он. — Давай, лейтенант, в каюту, корабль у нас почти что подводный.

Яхта рванулась вперёд, оставляя волнам зализывать широкий бурлящий след.

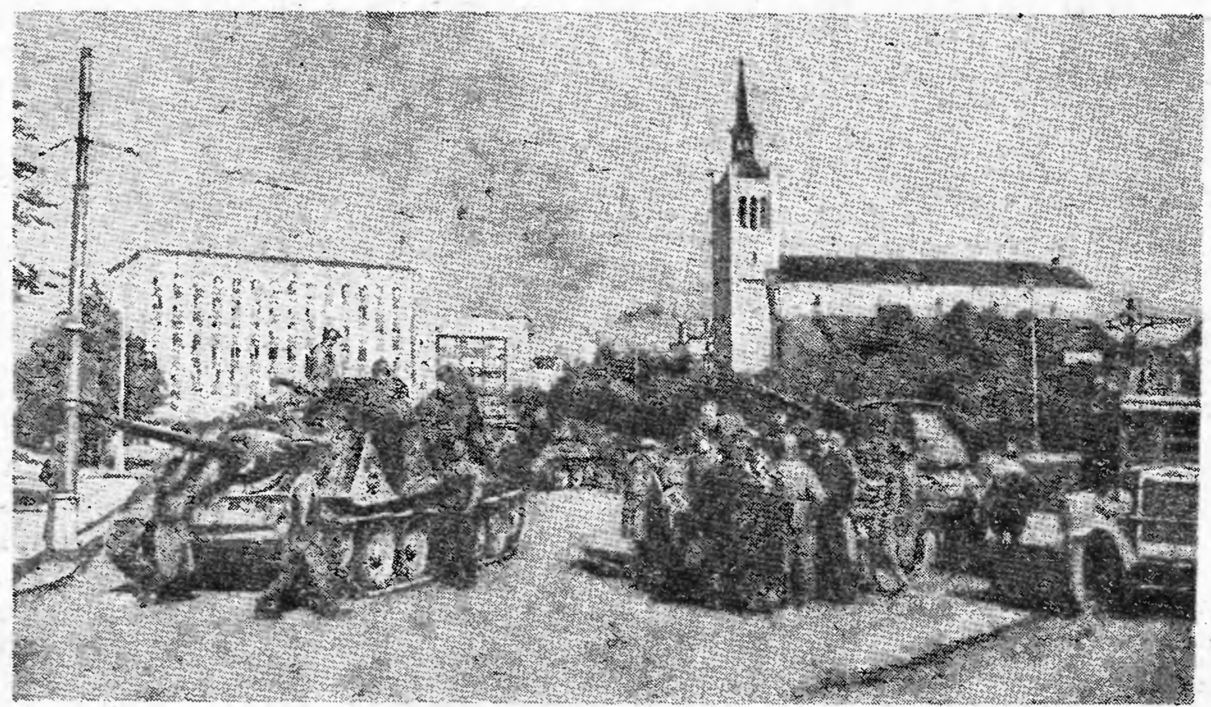
Далеко-далеко на востоке всплыло солнце. Узкую щелочку прорвал ветер в тучах, чтобы и светило могло взглянуть на смельчаков. Красные снопы лучей, пронзая мутноватую от безумства атмосферу, нашли среди водяных поседевших гор звенящий парус и красным залили его, чтобы был он как алое знамя победы. И первой, ещё до людских наград, была эта награда солнца отваге и благородству.

В бухте, где яхта среди серых стальных громад военных кораблей прошла, как нежная, в весеннем платье девушка мимо неулыбчивых, из боя вернувшихся солдат, Алексей, подмигнув освобождённому из каютного плена лейтенанту, спросил:

— Ну как, лейтенант? Не приятнее ли переждать ветерок здесь, а?

Взгляд откровенного восхищения был ему ответом.

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.— ТАЛЛИН

Разбив немецкие войска и преследуя их по пятам, Красная Армия освободила 22 сентября 1944 года столицу Эстонской ССР—Таллин. На фото: советские танкисты на площади Свободы. Таллинцы обступили героев-воинов, принесших им долгожданную волю.

Фото Б. Кудоярова

ТАЛЛИН

Иоганнес Барбарус

В одежде каменной былых столетий
О, город мужества, ты шёл сквозь мрак.
И душный с дюн песчаных встречный ветер
Не замедлял, но окрылял твой шаг.
И вот ты, наконец, пришёл к победе,
И сброшен свастики смертельный знак.
Над Вышгородом-Тompea, как пламя,
Водружено навек свободы знамя.

Народ эстонский мой, как море с сушей,
Сомкнись с своей землёй, найди себя!
Стань, выпрямись во весь свой рост
И слушай! Нет больше тех, кто угнетал тебя:
Бежал заклятый враг, но будь на страже!
Но забывай про ненависть к врагам,
Чтоб никогда кровавый натиск вражий
Не хлынул вновь к балтийским берегам!

Перевёл с эстонского Мих. Зенкевич

НА ВЕРХНЕМ НАРЕВЕ

Фото Н. Аснина

Красная Армия продолжает своё победоносное наступление, преодолевая упорное сопротивление немцев.

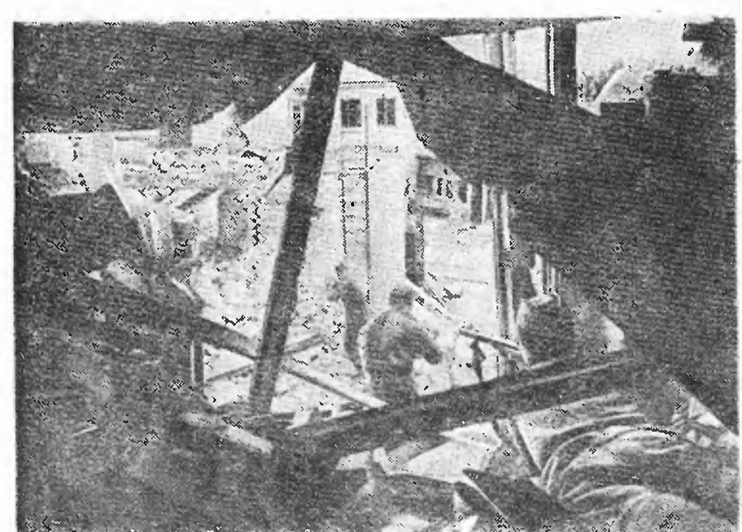
На наших снимках показаны эпизоды боёв Н-ской части на Верхнем Нареве.

До границы осталось несколько километров. За ними — вражеская земля. Немцы ожесточённо цеплялись за последний рубеж. Они предпринимали яростные контратаки, бросали в бой десятки танков. Сломив сопротивление противника, советские войска прорвали немецкую оборону, овладели рядом населённых пунктов и вышли на государственную границу.

Советские пехотинцы ворвались в населённый пункт. Завязались ожесточённые схватки с засевшими в домах гитлеровцами (снимок внизу, слева). Выбивая немцев из полуразрушенных зданий, наши бойцы очищают улицу за улицей (снимок справа).

На наблюдательном пункте.

СТОЛИЦЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.—РИГА

ЛАТВИЯ

Андрейс Балодис

Над Латвией солнце взошло величаво,
И голову поднял латышский народ,
И вольные волны свои Даугава
В Балтийское светлое море несёт.

Над нашей землёю царили веками
Насилье и рабство, тупой произвол.
Мы с Лениным в сердце боролись с врагами
И Сталин нас к славной победе привёл.

Латышский народ наш, русоволосый,
Расправив широкие плечи и грудь,
С великой Россией чрез бури и грозы
Проложит и к счастью и к радости путь.

Мы Армии Красной за всё благодарны.
С Советским Союзом сплотившись опять,
Над морем Балтийским звездою янтарной
Свободная Латвия будет сиять!

Перевёл с латышского Мих. Зенкевич

Последней из семи столиц советских республик, временно оккупированных немецкими захватчиками, была освобождена 13 октября 1944 года Рига. По площади Свободы проходят первые отряды советских воинов. Красная Армия выиграла битву за Прибалтику. На берегах Балтийского моря завершено очищение всей советской земли от немецко-фашистских орд. Слава Красной Армии! Слава освободителю народов — великому Сталину!

Фото С. Нордштейна и Б. Уткина (ТАСС)

ПЕСНИ БОРЬБЫ И ДРУЖБЫ

Таково название последней программы ансамбля песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников. В программе народные и патриотические песни и танцы Советского Союза, Англии, США, Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии. Вступлением служит песня «Свободных стран содружество» (музыка Д. Шостаковича, слова С. Васильева).

На фоне сменяющегося красочного занавеса артисты ансамбля исполняют то мужественные, зовущие к борьбе и мести патриотические и партизанские песни, то мягкие, задушевные, полные лиризма народные песни и пляски. Заканчивается программа большим апофеозом на тему о дружбе народов, борющихся против гитлеризма.

Художественный руководитель ансамбля — лауреат Сталинской премии И. Дунаевский. Танцы поставлены балетмейстерами Р. Захаровым, В. Вайноненом и другими.

Фото М. Озерского

Русская пляска.

↑ Сценка из белорусского танца «Янка».
← Артистки ансамбля — исполнительницы украинских песен.

↑ Чешский народный танец.

Польский народный танец. →

РУКОПИСИ ПОЭТА

А. Михайлова

Лермонтову особенно не посчастливилось среди других русских писателей. Рукописи его юношеских произведений безжалостно уничтожались близкими людьми, как якобы не представляющие художественной ценности, письма сжигались, так как содержали резкие, беспощадные отзывы о многих лицах. Вот почему и рукописей, и писем поэта до нашего времени дошло мало. Отсюда становится понятным значение замечательной коллекции рукописей Лермонтова, хранящихся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Начало этой коллекции было положено в 1857 году, когда Публичная библиотека получила от князя В. Ф. Одоевского драгоценный дар — записную книжку (так называемый «Альбом Одоевского») с последним лирическим циклом стихов поэта. Около 1870 года в библиотеку поступили учебные тетради и рукописи художественных произведений Лермонтова. Это ценнейшее поступление и стало основным ядром лермонтовского собрания Публичной библиотеки. В течение последующих лет собрание это постепенно пополнялось. Так например в 1882 году профессор П. А. Висковатов передал библиотеке рукопись романа «Княгиня Лиговская», полученную им из редакции журнала «Русский вестник», куда она была доставлена князем А. И. Васильчиковым, а десять лет спустя тот же Висковатов жертвует авторизованную копию поэмы «Демон», ранее принадлежавшую В. А. Бахметевой (Вареньке Лопухиной), получившей её от самого Лермонтова.

Продолжает пополняться это собрание и в наши дни. Так, совсем недавно, в 1938 году, библиотека приобрела альбом умершей в молодых годах матери поэта. Этот альбом поэт особенно любил и всюду возил его с собою.

Рукописи Лермонтова, хранящиеся в Отделе рукописей Публичной библиотеки, охватывают значительный период жизни поэта (1825—1841 годы). Они весьма разнообразны. Здесь и учебные тетради, и записные книжки, и альбомы, и письма, и отдельные листки с небольшими стихотворениями и рисунками, и значительные по размеру художественные произведения в стихах и в прозе. Кроме автографов имеются авторизованные копии, а также списки, значение которых равноценно автографам, так как они сделаны с автографов, не дошедших до нашего времени (например список очерка «Кавказец»). Есть, наконец, рукописи, написанные под диктовку поэта.

Учебные тетради, до сих пор не опубликованные, относятся ко времени пребывания Лермонтова в Благородном пансионе при Московском университете и в Школе гвардейских подпрапорщиков. В некоторых из них, среди ученических упражнений и записей лекций, встречаются рисунки пером и наброски стихотворений (например, в тетради «Лекции из географии» — наброски поэмы «Сашка»).

К этой же группе рукописей учебного характера можно отнести и ученическое сочинение юнкера Лермонтова «Панорама Москвы», проникнутое горячим патриотизмом и любовью к памятникам родной истории. Это экземпляр, переписанный набело писцом и с собственноручной в конце подписью поэта.

Записная книжка 1827 года в изящном голубом бархатном переплёте с вышивкой золотым шнуром показывает нам читательские интересы мальчика Лермонтова. Мы находим здесь переписанные им «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и поэму Байрона «Шильонский узник» в переводе Жуковского.

Огромную ценность представляет записная книжка, подаренная на прощанье уезжавшему на Кавказ весною 1841 года Лермонтову князем В. Ф. Одоевским с условием возвратить её «всю исписанную». Книжка действительно была возвращена Одоевскому, но уже после трагической смерти поэта. В ней содержатся такие перлы лермонтовской поэзии, как стихотворения «Спор», «Утёс», «Дубовый листок», «Выхожу один я на дорогу», «Пророк», «Сон» и другие, написанные Лермонтовым в последние три месяца его жизни.

М. Ю. Лермонтов.
С портрета Будкина

Альбом матери поэта интересен не только потому, что находящиеся в нём рисунки и стихотворения, вписанные в него самой Марией Михайловной и её друзьями и родственниками, помогают лучше уяснить её воспитание, образование, настроения и интересы: он особенно ценен тем, что в нём содержатся многочисленные детские и юношеские рисунки самого Лермонтова, любовно украшавшего альбом.

Наиболее ранний из этих рисунков — кавказский пейзаж, датированный 13 июня 1825 года. Интересны типичные лица горцев, портрет родственника поэта, знаменитого кавказского храбреца Е. Е. Хастатова, послужившего прототипом для «Фаталиста»; пейзаж села Тархан (холм, и на нём «чета белеющих берёз»), одинокий парус в пустынном море. Рисунки как бы повторяют образы лермонтовской поэзии.

Альбом 1840 года сопровождал Лермонтова, когда тот участвовал в экспедиции под начальством генерала Галафеева в Малую Чечню. В нём, кроме стихотворений («Сосна» в двух вариантах и др.) и предисловия к роману «Герой нашего времени», много рисунков с натуры карандашом и в красках. Особенно интересен один, изображающий битву при речке Валерик.

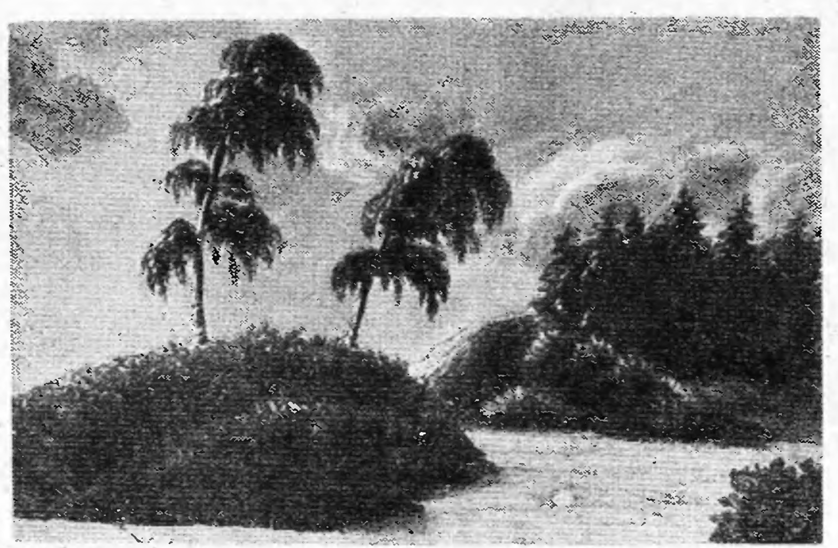

Рисунок М. Ю. Лермонтова «Чета белеющих берёз» (из альбома М. М. Лермонтовой).

Письма Лермонтова (всего восемнадцать) адресованы бабушке Е. А. Арсеньевой, тётке, М. А. Шан-Гирей, М. А. Лопухиной и А. М. Верещагиной, подругам юношеских лет поэта, А. А. Краевскому, К. Ф. Опочинину и великому князю Михаилу Павловичу.

Из произведений Лермонтова в стихах и в прозе в коллекции имеются автографы юношеской драмы «Люди и страсти», поэмы «Боярин Орша», стихотворения «Смерть поэта» и романа «Герой нашего времени». Последний в рукописи называется «Один из героев начала века» и содержит черновые наброски рассказов «Максим Максимыч» (в рукописи «Из записок офицера»), «Княжна Мери» и «Фаталист».

Из так называемой «лермонтовианы» наиболее заслуживают внимания письмо к Лермонтову его бабушки Е. А. Арсеньевой, «Дело о постановке памятника поэту М. Ю. Лермонтову в Пятигорске» и воспоминания о Лермонтове неизвестного юноши [1].

Пятитомное дело о постановке первого в России памятника великому народному поэту вскрывает чрезвычайно любопытные факты. Сбор пожертвований на памятник был «высочайше» разрешён в 1871 году. Первая лепта была внесена двумя безвестными крестьянами Таврической губернии, приславшими 2 рубля, после чего в течение трёх лет «в кассу жертвований не поступило больше ни одной копейки».

В 1875 году была открыта подписка в рядах Кавказской армии, в которой доблестно служил поэт. Теперь пожертвования присылались со всех сторон, однако поступали большей частью мелкие суммы. Да это и понятно: жертвовали люди средних достатков — военные, крестьяне, интеллигенция, мелкие служащие. В списках жертвователей, находящихся в «Деле», нет ни одного «высочайшего» имени, нет и представителей сановной бюрократии.

Любопытный факт: самое крупное пожертвование (тысяча рублей) было сделано князем А. И. Васильчиковым, которого общественная молва упорно называла вдохновителем и организатором убийства Лермонтова. Крупным вкладом на памятник своей жертвы князь Васильчиков, очевидно, пытался успокоить свою чёрную совесть.

В «Деле», между прочим, находится протокол (от 12 сентября 1881 года) о месте дуэли Лермонтова с показаниями перевозивших тело поэта от подножья Машука к его квартире извозчиков Евграфа Чалова и Ивана Чухнина.

Медленно, целых восемнадцать лет, без малейшей поддержки «свыше», происходил сбор пожертвований на памятник великому русскому поэту, опальному и после смерти. Только летом 1889 года в Пятигорске был установлен и торжественно открыт памятник Лермонтову работы скульптора А. М. Опекушина.

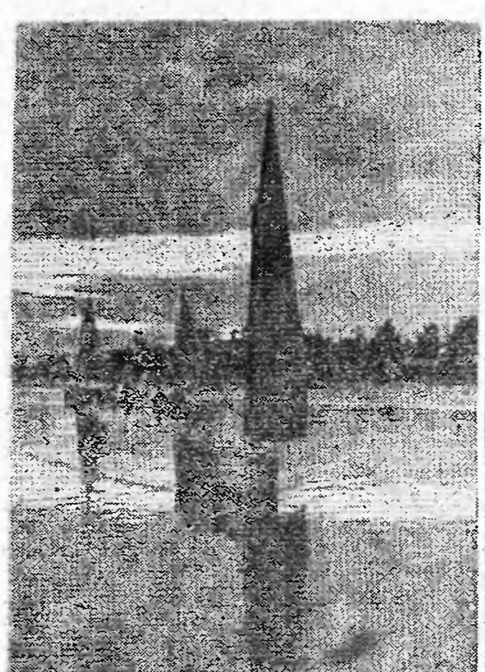
Большой интерес представляют также неопубликованные воспоминания И. П. Забеллы, ещё мальчиком встречавшегося с Лермонтовым в последний приезд поэта зимою 1841 года в Петербург. Мать автора воспоминаний была «дружески знакома» с бабушкой поэта Е. А. Арсеньевой, и это даёт рассказчику возможность обрисовать домашний быт поэта, дополнить ближайшее окружение Лермонтова новыми именами. Но эти воспоминания ценны не только бытовой своей стороной: они свидетельствуют о большой популярности поэта среди современной ему учащейся молодёжи.

В кратком обзоре невозможно всесторонне охарактеризовать всё богатство и разнообразие хранящихся в Государственной публичной библиотеке лермонтовских рукописей. Наряду с рукописями Пушкина, Льва Толстого, Горького и Чехова они входят в золотой фонд русской национальной культуры.

---

[1] Из архива журнала «Исторический вестник». Как мне удалось установить, автором воспоминаний был Иван Петрович Забелла, брат известного скульптора Пармёна Забеллы и отец певицы Н. И. Забеллы-Врубель.

СПОРТ В ЛЕНИНГРАДЕ

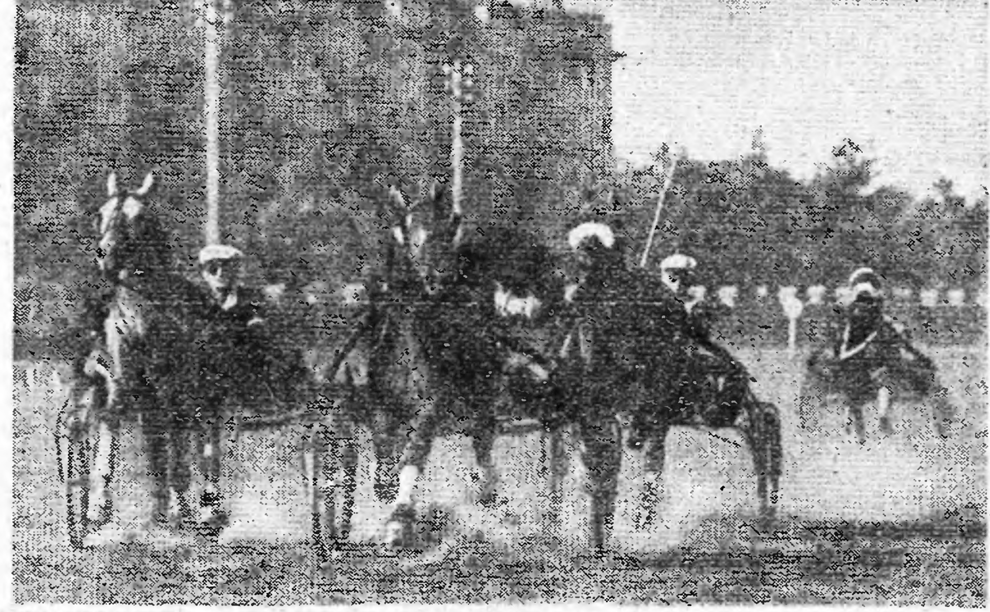
В Ленинграде состоялись большие соревнования по разным видам спорта. На снимке слева: по зеркальной поверхности Малой Невки скользят яхты спортивного общества ВЦСПС. В центре: гребные гонки Ленинград — Москва. Женские восьмёрки Ленинграда и Москвы у финиша двухкилометровой дистанции. Справа: пробег физкультурниц общества «Спартак» по городу на дистанцию 3 километра.

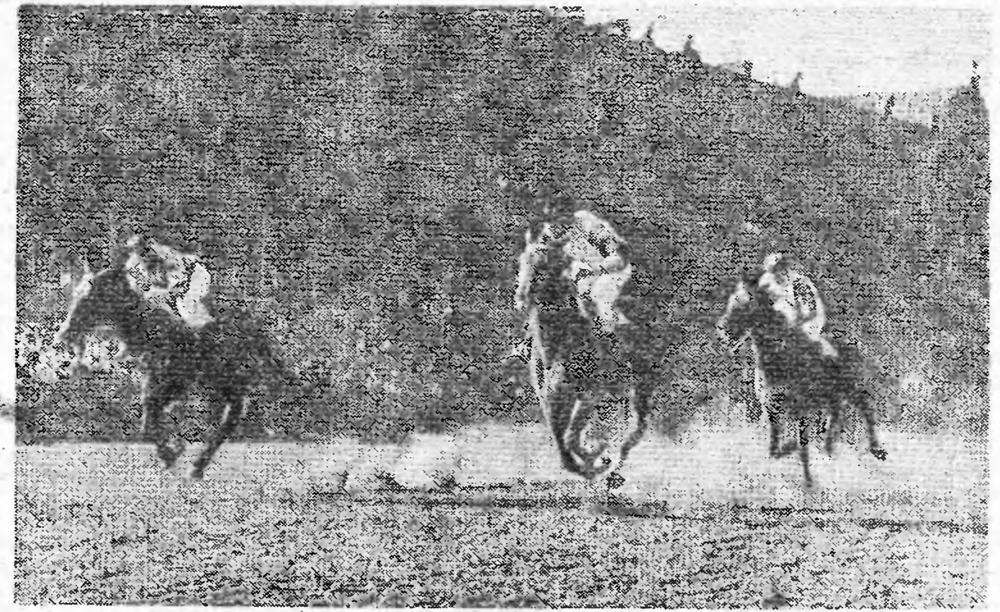
Фото Н. Волкова

НА МОСКОВСКОМ ИППОДРОМЕ

В этом году после трёхлетнего перерыва в Москве вновь был разыгран «Большой всесоюзный приз» для рысаков-четырёхлеток. Победителем вышел «Згидный» — русско-американский рысак (наездник — Семичев), прошедший дистанцию 1600 метров в 2 минуты 12 секунд. На верхнем снимке: «Згидный» у финиша. Внизу: финиш традиционного скакового дерби в Москве.

Фото Г. Анатольева

НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ В РАСТЕНИЕВОДСТВЕ

Советские учёные разработали способ, ускоряющий проращивание семян деревьев некоторых важнейших хвойных пород. Обычно для прорастания семян сосны, например, требуется большой срок — три года. Но если их облучать светом красных неоновых ламп и кроме того питать особыми ростовыми веществами, эти трудно пробуждаемые семена меняют свойства и прорастают примерно в три месяца.

Растения весьма чувствительны к самым различным видам лучистой энергии. Облучение рентгеном настолько ускоряет рост тополей, что уже двухлетние деревья дают древесину, пригодную для технического использования.

Фруктовые молодые деревья, облучаемые ультрафиолетовыми и рентгеновскими лучами, приносят богатый урожай, не уступающий собираемому с вполне взрослых деревьев.

Чтобы выяснить, какие лучи спектра необходимы для жизни растений, был проделан следующий опыт. В подвалах, абсолютно лишённых внешнего света, горели лампы, дающие в одном помещении только ультрафиолетовые лучи, в другом — красные, в третьем — невидимые инфракрасные лучи. Оказалось, что в совершенно тёмном подвале, где землю заливали только невидимые инфракрасные лучи, отлично прорастают семена цветов, растения развиваются вполне нормально и окрашены они так же, как растущие на солнечном свете. Этим подтверждается важность инфракрасных лучей для растений.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...что тысячу лет назад на месте Московского Кремля был густой сосновый бор? С тех пор холм, на котором выстроен Кремль, носит название Боровицкого; ворота в кремлёвской стене, расположенные против самой высокой части холма, до сих пор называются Боровицкими.

...что первое упоминание о Москве в летописи относится к 1047 году? Москва была тогда маленьким посёлком, в центре находилась усадьба великого князя Юрия Долгорукова.

...что первая кремлёвская стена была построена в 1339 году князем Иваном Калитой из огромных дубовых брёвен и охватывала не больше трети нынешнего Кремля? Остатки этой стены были найдены в XIX веке при постройке Большого Кремлёвского дворца.

...что выражение «Москва белокаменная» возникло в XIV—XV веках, когда посреди маленького городка Москвы было выстроено несколько красивых церквей из белого камня? Из этих церквей сейчас ни одна не сохранилась. С конца XV века все большие постройки в Москве стали возводиться не из камня, а из кирпича; но выражение «Москва белокаменная» осталось и дожило до наших дней.

...что первый каменный жилой дом в Москве выстроил себе купец Таракан в середине XV века? До этого из камня в Москве строились только церкви. Но и позднее, вплоть до эпохи Петра, почти все жилые дома в Москве строились из дерева.

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 5330. 2½ печ. л. Подписано к печати 1/XI—44 г. Изд. № 643. Тираж 100 000. Заказ № 2232.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.